

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XIX

ИНДИЯ — СТРАНА И НАРОД

Книга 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1977

В. А. Пуляркин

ПОДСЕЧНО-ОГНЕВОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ В ИНДИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Подсечно-огневое земледелие остается по занимаемой им площади, включая земли, находящиеся в стадии восстановления, самым распространенным типом сельского хозяйства в освободившихся странах. В особенности это относится к государствам Африки, в меньшей мере — Латинской Америки и Юго-Восточной Азии, тогда как в Южной Азии оседлое земледелие уже сильно потеснило подсечно-огневое. По оценке специалистов ФАО [8, 9], указанная площадь составляет в развивающихся странах примерно 36 млн. кв. км, при численности населения, зависящего от занятий подсечно-огневой агрикультурой, около 200 млн. Таким образом, средняя плотность населения в ареале распространения этой системы равняется 6 человек на 1 кв. км, что свидетельствует об экстенсивности рассматриваемой циклической формы земледелия.

Разумеется, цифры эти весьма приблизительны. То же относится и к имеющимся данным об Индии. В солидной сводной работе американского географа Дж. Спенсера, непосредственно посвященной подсечно-огневому земледелию в странах Юго-Восточной и Южной Азии, площадь ежегодно расчищаемых подсек для Индии принята в 4,8 млн. га, а вся территория, охваченная действием этой системы сельского хозяйства, исчислена в 22 млн. га [27, 174].

Намного скромнее выглядят полуофициальные данные по подсечно-огневому земледелию: только 540 тыс. га ежегодно осваиваемых земель. Последние обеспечивают средствами к существованию примерно 2,6 млн. человек и распределяются преимущественно между следующими штатами (в тыс. га) [31, 179—180]:

Ассам	204	Махараштра	29
Орисса	160	Манипур	22
Трипура	46	Керала	22
Андхра-Прадеш	38	Мадхья-Прадеш	18

По нашему мнению, цифры второго источника ближе к истине, хотя, по-видимому, они занижены, а для некоторых ад-

министративных единиц — весьма значительно. При этом следует помнить, что само понятие «подсечно-огневое земледелие» не вполне четкое, тем более что в Индии оно охватывает почти весь обширный спектр типов хозяйств — от примитивной экономики кочевых племен, занятых охотой и собирательством (таковы, например, центральноиндийские племена бирхор, ко-руа), до оседлого пашенного земледелия.

Но если абсолютные показатели, характеризующие подсечно-огневую систему, дискуссионны, то их движение в сторону уменьшения бесспорно. Многочисленные факты подтверждают, что огневая система в Индии в прошлом была явно шире распространена. Европейцы, посещавшие страну вскоре после установления английского колониального господства, засвидетельствовали обычность подобной практики на низменностях, где ее к настоящему времени почти не существует.

Сказался комплекс причин: стабилизация военно-политического положения, которая особенно нужна оседлому крестьянину, рост плотности населения, развитие рыночной экономики, но в основе процесса вытеснения подсечно-огневого земледелия с равнин лежат, как нам представляется, лучшие экономические показатели пашенной агрикультуры. Площадь подсеки, которую может расчистить семья за сезон, принимается для Южной и Юго-Восточной Азии равной только 1—1,2 га, тогда как тягловой упряжкой с плугом можно обработать надел в 4 га¹ [15, 27]. Поэтому в тех областях, где есть земли с высоким и, главное, быстро восстанавливаемым естественным плодородием — на аллювиальных равнинах, с вулканическими почвами и др., — пашенная система сельского хозяйства обнаруживает свое убедительное превосходство.

Но во многих районах Центральной и особенно Северо-Восточной Индии подсечно-огневое земледелие еще сохраняет большое значение. При этом достаточно отчетливо прослеживается совпадение основных ареалов огневой агротехники с ареалами расселения остальных племен и мелких народностей, что дало основание ссылаться в объяснение живучести подсечно-огневой системы на социально-экономическую отсталость применяющих ее этнических групп.

Однако в подобном объяснении, как постепенно выяснилось, связь явлений, т. е. что считать причиной, а что следствием, далеко не очевидна. Во всяком случае в Индии с ее древней земледельческой цивилизацией многие народности, традиционно ведущие подсечно-огневое хозяйство, уже давно знакомы с достоинствами (и недостатками) плужной агрикультуры. И когда было высказано мнение, что для включения племен в оседлое земледелие полезно создавать демонстрационные фер-

¹ Пожалуй, оба показателя несколько занижены, но в данном случае нас интересует прежде всего соотношение величин.

мы, позволяющие наглядно убедиться в его преимуществе и конкретно ознакомиться с приемами работы на пашне, то оказалось, что такие фермы дают малый эффект, ибо местные племена находятся в контакте с крестьянским населением и достаточно хорошо знакомы с пашенным производством [29, 40—41].

Поэтому все большее внимание обращается на изучение экологического своеобразия огневой системы, причем учитывается тот факт, что применяющие ее народности и племена в ходе истории были оттеснены в удаленные, менее благоприятные (во всяком случае с современной точки зрения) для жизни районы. Экологические особенности подсечно-огневого земледелия освещены нами в специальной статье [2, 39—42], здесь же мы вкратце остановимся на некоторых его достоинствах и недостатках.

Прежде всего выяснилось, что огневая агрокультура сохраняется (при конкуренции с пашенным земледелием) преимущественно на территориях, почвы которых после сведения естественной растительности быстро теряют плодородие в процессе обработки. Искусственное же поддержание продуктивности почв в тропиках затруднено в первую очередь из-за активно протекающих процессов ферраллитизации. Вносить удобрения требуется в огромных количествах, а действие их сказывается лишь в течение нескольких месяцев, тогда как в зоне умеренного климата — 2—3 года. Поэтому экономически более оправданно предоставить восстановление почвенного плодородия силам самой природы, которая успешно с этой задачей справляется, хотя для этого требуется довольно продолжительное время — не менее десяти лет.

Сжигание леса переводит питательные элементы, содержащиеся в растительном компоненте биогеоценозов, обратно в почву, иначе говоря, делает их доступными для культурных растений (конечно, при этом неизбежны и потери, в основном азота, который улетучивается, и серы). Поэтому от хорошей рубки и тщательного пожога во многом зависит судьба урожая. Огонь вместе с тем не только служит средством повышения плодородия почвы, но и улучшает ее структуру и уничтожает на делянке сорняки, а также распространителей болезней и вредителей культурных растений, борьба с которыми иным путем в тропическом климате очень трудна.

При огневой системе на подсеках сохраняется естественное многообразие флористического состава. Только рис в силу своей высокой продовольственной ценности оказался одной из немногих культур, возделываемых индивидуально на делянках. Как правило же, господствуют смешанные посевы², включаю-

² Обследование одной из ассамских деревень, например, показало, что около 80% площадей на подсеках были заняты одновременно не менее чем тремя культурами [22, 277].

щие одновременно до нескольких десятков культур. Эта система, казавшаяся европейцам хаосом на полях, фактически является «скрытым порядком» и направлена на максимально полное и притом быстрее использование питательных элементов (которые в противном случае будут вынесены за пределы подсеки), света и влаги. По существу, как и в естественном биоценозе, каждый вид имеет свою экологическую пищу и нередко выполняет определенную функцию по отношению к другим культурным растениям. В частности, быстро развивающиеся растения мешают подняться сорнякам, которые могли бы заглушить поздние всходы. Последние с течением времени выдвигаются на первый план, по мере того как собирают урожай скороспелых культур.

Огневое земледелие — только один из элементов сложного производственно-общественного комплекса, находящегося в теснейшей связи с окружающей его природной средой. Оно может быть в этом комплексе важнейшей, но может быть и вспомогательной отраслью.

Показательно высказывание индийского экономиста Д. С. Нага об одной из народностей Центральной Индии: «Байга — не крестьяне, а жители лесов. Оба занятия — огневое земледелие и сбор лесных продуктов — хорошо согласуются одно с другим. Пашенная же агрикультура не оставляет времени для походов в лес» [18, 94]. Отмеченная зависимость — не случайная и не поверхностная, она объясняется тем, что само огневое земледелие обычно не в состоянии полностью занять и прокормить тех, кто в нем участвует. В этом проявляется внутреннее противоречие подсечно-огневого земледелия: опираясь на использование лишь примитивных орудий труда, оно в наиболее напряженные фазы земледельческого цикла страдает от нехватки рабочей силы, что неизбежно ограничивает общую площадь подсек, даже при достаточных земельных ресурсах; при росте же численности населения, и следовательно числа рабочих рук, начинает увеличиваться «давление» на землю в пределах данной территории, что влечет за собой снижение урожайности.

Таким образом, скромные размеры подсек, обусловленные отсталым техническим базисом, часто ведут к тому, что собираемой продукции на весь год не хватает. У редди, обитающих в горах Центральной Индии, наблюдалось, что редкое из хозяйств запасало зерна с подсек более чем на 3—4 месяца, хотя надо признать, что в некоторых смежных районах занятие подсечным земледелием в благоприятные годы давало даже излишки продовольствия, шедшие на продажу.

Все же, как правило, охота, рыболовство, бортничество, сбор других даров леса — насущная необходимость для народностей и племен, занимающихся подсечно-огневым земледелием, а не только средство к обогащению их диеты. Леса поэтому счи-

таются сами по себе ценнейшими хозяйственными угодьями. Наблюдается четкое разделение лесной территории между этническими группами и внутри них — между общинами.

Имеется еще один фактор, способствующий безболезненному включению огневой системы земледелия в более широкий хозяйственный комплекс, а именно — ограниченная по времени занятость мужчин на подсеках. В отличие от крестьянина, который выполняет почти все работы на пашне, при огневой агрикультуре мужчина участвует в основном в начальных операциях — рубке сучьев, валке деревьев, пожоге, подготовке лунок под семена, а в последующих операциях, которые требуют меньших физических усилий, заняты преимущественно женщины. Иными словами, совокупность специфических особенностей подсечно-огневого земледелия делает рациональным такое разделение труда (профессиональное разделение труда отсутствует), при котором для мужской части населения в течение части года более оправданы поиски дополнительных источников пропитания. Поэтому структура доходов в экономике, поддерживающейся огневой системы, иная, чем в крестьянской, за счет явно меньшей доли продукции с полей.

Показательны данные по одной из деревень в штате Андхра-Прадеш, в которой соседствуют хозяйства, практикующие подсечно-огневое земледелие, с одной стороны, и крестьянские дворы с оседлой, неполивного типа агрикультурой, — с другой. В первых доходы составляют в среднем 575 рупий в год, из них только 130 приходится на стоимость земледельческой продукции, для вторых соответствующие цифры равняются 920 и 480 рупиям [31, 184]. Следовательно, можно говорить о двух различных формах деревенской экономики, каждая из которых базируется на собственной сельскохозяйственной основе.

Столь существенная экологическая черта подсечно-огневого земледелия, как восстановление плодородия почвы естественным путем, закономерно обусловила независимость его от скотоводства. Таким образом, сложилась ситуация принципиально иная, чем в традиционной крестьянской экономике: ни по одной линии не прослеживается связь двух важнейших подразделений сельскохозяйственного производства. На разбросанных по лесам небольших по площади подсеках, где сев ведется практически в еще теплую рыхлую золу, применение тяглового скота неоправданно; тем более что на участках обычно остаются несгоревшие остатки бревен и высокие невыкорчеванные пни, которые усложнили бы работу с упряжкой. Лишь в исключительных случаях используются на подсеках плуги, например у горных редди в Тамилнаде. Сбор навоза и его доставка на поля при свободном выпасе животных тоже экономически нецелесообразны. Зато скоту бесполезно надеяться на получение кормов с полей.

В этих условиях крупный рогатый скот выступает прежде всего как мерило богатства и престижа, ибо при наличии общинной собственности на землю аккумуляция последней и вкладывание в нее денежных средств невозможны.

В экологическом отношении огневое земледелие обладает не только положительными чертами. Оно подвергается справедливой критике, основанной на том, что длительно накапливаемые естественные ресурсы, хотя и возобновимые, расходуются в непопустительно короткий срок. Действительно, вырубка и сжигание лесов привели к тому, что уже почти не осталось первичной лесной растительности. Она могла уцелеть лишь при наличии священных рощ, на использование которых наложено табу, как, например, в Ассаме. Во многих обширных районах тропической зоны в результате деятельности человека леса сменены другими растительными формациями.

Между тем ценность лесов как природного богатства с течением времени, пожалуй, возрастает по мере быстрого увеличения потребности общества в бумаге, древесине, целлюлозе, что, в свою очередь, происходит на фоне сокращения лесопокрытых площадей. При этом произошло принципиальное изменение производственного подхода к влажнотропическим лесам. Несколько десятилетий назад, кроме немногих видов пород, дававших ценное поделочное сырье для кабинетной мебели, и сбора «даров» леса (орехов, канифоли, меда и т. д.), остальная часть лесоресурсов оставалась вне хозяйственного использования. Велись лишь выборочные ручные рубки, и к лесной промышленности тропических стран проявлялся сравнительно слабый интерес. К настоящему времени техника лесозаготовок кардинально усовершенствовалась; то же относится и к методам переработки древесины, на которых сказались огромные достижения химических производств.

Более серьезным стало отношение к почвозащитной роли лесного покрова. В Индии, например, печать настойчиво декларирует, что около 30% территории желательно отводить под леса. Поэтому примирить интересы подсечно-огневого и лесного хозяйств представляется нелегким делом, хотя первое, несомненно, зависит от второго. Правда, нельзя считать, что народности, практикующие огневую систему, безразличны к интересам восстановления и сохранения лесного ландшафта. На расчищенных участках обычно оставляют отдельные деревья для скорейшего обсеменения делянки. Применяются также меры, направленные против распространения огня при пожарах на соседние леса, хотя не всегда они приносят успех. Часто пожары охватывают обширные площади и продолжаются до самого наступления сезона дождей.

Можно полагать, что противоречие между подвижным земледелием и лесным хозяйством снимается (и то лишь отчасти) при следующих условиях: 1) сохранении длительного, свыше

20 лет, ротационного цикла с одногодичным использованием подсеки и 2) наличии в течение года только краткосрочного засушливого периода (когда производятся пожоги), ибо с увеличением его продолжительности способность лесной растительности к самовосстановлению снижается.

Трудно однозначно ответить и на вопрос о влиянии огневой агрокультуры на эрозионные процессы. Конечно, она способствует усилению эрозии, но это в равной мере относится и к другим системам земледелия, и к пастбищному животноводству, и к лесоразработкам, т. е. ко многим видам производственной деятельности человека. Высказывания типа «общее мнение, что подсечное земледелие ответственно за широкое распространение почвенной эрозии, должно быть энергично отвергнуто» [5, 4] отражают происходящую смену взглядов. В подтверждение предложенного тезиса индийский ученый М. Чатурведи отмечает, что в горах Гаро (Ассам), где огневая система ведется давно, после сильных ливней бегут чистые, незамутненные потоки; но одновременно признается, что в горах Нага и Лушай, которые сложены более легко размываемыми породами, ситуация иная. Чиновники колониального Лесного департамента в Индии свидетельствовали в свое время, что лесной покров в Центральных провинциях не был ухудшен огнем в такой степени, чтобы вызвать серьезную почвенную эрозию [18, 91].

Однако далеко не везде положение благополучно. Особенно это относится к тем районам, где густые леса уступили место антропогенной горной саванне и кустарниковым зарослям. Исчезновение леса в условиях длительного засушливого периода и ливневого характера осадков приводит к сильной плоскостной и линейной эрозии, которая нередко усугубляется несоблюдением элементарных правил противозерозийной агротехники при обработке склонов.

Основной вывод, который вытекает из рассмотрения экологических черт огневой агрокультуры, — неустойчивость системы, которая успешно функционирует лишь при продолжительном отдыхе земли после кратковременной ее обработки. Нарушение этого условия может привести к необратимым изменениям природной среды.

В этом состоит одна из главных причин, по которой подсечно-огневое хозяйство стремятся заменить пашенным земледелием. Конечно, возникает вопрос: необходим ли переход к новой системе земледелия? Представляется, что ответ должен быть положительным.

Прежде всего в районах, где широко распространено подсечно-огневое хозяйство, ныне наблюдается быстрое увеличение численности населения в результате как миграций, так и естественного прироста.

В прошлом численность племен, отрезанных в джунглях от

благ цивилизации, была почти стабильной. В колониальный период, по оценке как индийских [17, 109—111], так и советских ученых [3, 83—84] (переписи четкой картины не дают), рост населения у адиваси был замедленным по сравнению с общеиндийскими показателями. Чрезвычайно высокая смертность и меньшая продолжительность жизни, в частности из-за губительных инфекционных заболеваний, сводили на нет высокую рождаемость. Усилия национальных властей, направленные на улучшение медицинского обслуживания адиваси, повышение их грамотности и т. п., привели к определенным положительным сдвигам. И за 1951—1961 гг. прирост населения в группе адиваси составил 32,9% против 21,5% для всей Индии. Такие административные единицы Индии, как Манипур, Трипура, Нагаленд, где подсечно-огневое хозяйство развито особенно сильно, в 1951—1961 гг. показали увеличение числа жителей в пределах 35—80%. Ясно, что подобные демографические тенденции на фоне сокращения площади «свободных» земель делают актуальным внедрение более интенсивной агрикультуры.

Исследования в горах Ассама показали, что ориентировочно на семью в 5 душ требуется около 1 га в год, что при десятилетнем ротационном цикле означает необходимость иметь 10 га земельной площади на семью. Отсюда критическая плотность населения равняется 10 человек на 1 кв. км при 20% земельной площади, пригодной к обработке, и 25 человек на 1 кв. км — при 50% [23, 220]; последняя цифра, как было замечено в том же источнике, представляется для горных местностей Ассама излишне высокой³, из чего делался вывод, что в указанном районе фактическая плотность населения — более 20 человек/км² — достигла уже предельного при огневой системе уровня⁴.

Во-вторых, замена огневой системы диктуется необходимостью подъема производительности труда. Подсечно-огневое хозяйство рационально вести только на низком потребительском уровне, когда процесс воспроизводства повторяется из года в год почти в одних и тех же масштабах. Успех урожая определяют практические (кроме природных факторов) лишь затраты людского труда, ибо инвестирования капитала в производство не происходит. На разбросанных подсеках не оправдано экономически ни применение минеральных удобрений, ни

³ Однако для соседних горных районов Читтагонга в Бангладеш, ареала расселения народности мру, приводится показатель пригодности земли к обработке в 70% территории [16, 41].

⁴ Австрийский этнограф Фюрер-Хаймендорф, посетивший вторично в 1970 г. те же деревни в Нагаленде, в которых он бывал в 1936—1937 гг., отмечает, что по-прежнему основным занятием жителей остается подсечно-огневое земледелие по склонам. Однако вследствие роста населения продолжительность ротационного цикла сократилась с 15 до 8 лет, и уже возникла угроза нарушения естественного равновесия ландшафтов [12 169—177].

осуществление даже простейших ирригационных работ, ни использование новых, технически сложных орудий труда.

В-третьих, распыленное расселение в условиях подсечно-огневого хозяйства препятствует полноценному социально-экономическому обслуживанию жителей деревень. Особенно это относится к «кочующим» поселениям, которые сохраняются на северо-востоке субконтинента, но справедливо также и для постоянных деревень. Теоретически подобные деревни могут достигать больших размеров: по расчетам, для Бразилии — до 2 тыс. человек [4, 229—232], а для африканских условий даже более 3 тыс. человек [1, 113—126]. Однако обычно, после того как деревня начинает разрастаться, а земли вокруг нее истощаются, происходит отпочкование дочерних поселений. Это позволяет снизить временные затраты на посещение подсек. Поэтому в зоне подсечно-огневого хозяйства чаще создается сеть населенных пунктов из относительно многочисленных, но мелких деревень. Особенно это относится к горным районам. Так, в ареале расселения микиров в Ассаме поселения насчитывают в среднем 20—30 дворов [25, 11—12], что намного ниже аналогичного показателя для типичной крестьянской деревни в Индии. По последним наблюдениям в Восточном Перу, смену местоположения деревень вызывает в первую очередь не нехватка земли под подсеки, а истощение охотничьих угодий в округе [7]. Отсюда становится понятным, почему поселения не достигают тех размеров, которые определены расчетным путем. Для надежного вывода требуются, однако, наблюдения и в других районах подсечно-огневого земледелия.

Очевидно, что пути трансформации огневого хозяйства определить нелегко. С ним связана целая система социально-общественных отношений, быстрая ликвидация которых может повлечь за собой ухудшение положения и в доходах, и на социальной лестнице, и в структуре питания основной части племенного населения, которое окажется вырванным из привычного жизненного уклада. Отсутствие в Индии резервов для значительного расширения пахотного фонда еще более затрудняет решение задачи. Приобщение народностей и племен, практикующих огневое земледелие, к оседлому хлебопашеству должно, следовательно, происходить в основном на месте, в весьма сложной природной обстановке.

Мероприятия по переводу племенного населения на новые формы хозяйствования усиленно проводились еще в колониальный период. Плохо подготовленные и осуществлявшиеся в интересах колониальных властей, они лишь содействовали разрушению традиционной экономики, без создания удовлетворительной альтернативы. История субконтинента знает многочисленные трагедии, разыгравшиеся во время английского господства.

Особенно пострадали гонды, байга, коламы и другие абори-

гены, населяющие Центральную Индию. Вопреки реальному положению вещей колониальная администрация законодательным актом 1868 г. объявила, что, «согласно обычаям страны, кочующие племена не имеют прав собственности или преимущественных прав землепользования в тех областях, где они обитают» [см.: 9, 552]. Таким образом, все временно пустовавшие и экстенсивно используемые территории объявлялись «свободными», что открывало доступ в зону племен пришлого населения с равнин. Эти миграции, поощрявшиеся колониальными властями, заинтересованными в увеличении налоговых поступлений, привели к тому, что скоро «коренные жители превратились в арендаторов или, что еще хуже, в бездомных и безземельных обитателей джунглей» [там же, 553]. Крупные феодалы с помощью государственного аппарата сумели захватить большие земельные массивы. Обследование нескольких гондских деревень показало [21, 111—112], что 10 пришлых помещичьих семей владели более чем 4 тыс. га земель, из которых максимум треть обрабатывалась (арендаторами-гондами), — и это в условиях острого земельного голода в стране. Что же касается аборигенов, то у них на деревню примерно в 200 жителей осталось около 30 га. Не удивительно, что поныне наблюдается переход гондов от занятий земледелием к выжигу древесного угля, заготовке дров, плетению корзин и разного рода другим лесным промыслам. Заметим, что колониальное правительство вело борьбу с беваром (местное название огневой системы в Центральной Индии) и непосредственно — запретив пожары в лесах. При этом применялись жестокие методы, вплоть до уничтожения посевов на подсеках.

Но даже если колониальными властями проводились определенные подготовительные мероприятия по расселению племен, то в большинстве случаев они тоже оканчивались неудачей, в частности из-за невнимания к специфике конкретных ландшафтов. Так, предпринятые английской колониальной администрацией попытки внедрить пашенное земледелие на высокоих плато Андхры (ареал расселения ченчу) «провалились почти полностью» [10, 75]. Даже при наличии подходящих пахотных массивов, на которых можно «расселить» племена, успех еще далеко не гарантирован: распределение земли в частную собственность при наличии традиций общинного владения ею таит опасность быстрого обезземеления формирующихся новых групп крестьянства, которые не имеют еще прочных навыков в плужной агрикультуре.

После завоевания независимости странами Южной Азии экономическая политика в отношении мелких народностей и племен направлена на перестройку их хозяйства на современный лад. Однако признается вся сложность проблемы, которая находит отражение и в разнообразии законодательной практики, касающейся огневой системы. Она разрешена почти без

ограничений в Манипуре, Трипуре, Нагаленде (в Манипуре, например, джхум запрещен с 1953 г. только в полосе шириной 0,5 мили по обеим сторонам рек и главных дорог и у водных источников, используемых для бытовых и ирригационных целей), в меньшей степени — в Ассаме (где нельзя заниматься джхумом в водоохраных и других лесах, находящихся под защитой), тогда как, например, в Мадхья-Прадеше огневая система земледелия по-прежнему запрещена (с 1868 г.), за исключением двух районов, а в Керале дозволена лишь в некоторых ареалах при условии, чтобы любой участок обрабатывался не чаще чем раз в 7 лет [31, 185].

Переход к оседлому земледелию при всей его желательности все более признается длительным и трудным процессом. Складывающиеся при этом конкретные ситуации весьма многообразны, и они в значительной мере определяют отношение адивасы к замене огневой системы пашенной.

Некоторые племена довольно давно убедились в достоинстве плужной агрикультуры и самостоятельно начали заниматься ею. Подобная тенденция была отмечена, например, у куки в Манипуре, которые наряду с джхумом стали заниматься возделыванием риса в широкой долине р. Импхал [6, 422—443]. Любопытно, что из девяти местных деревень две «спустились» в низину, а остальные по-прежнему тяготеют к горным склонам. Таким образом, и в расселении, несмотря на его относительный консерватизм, обнаруживается определенный компромисс между старой и новой формами земледелия.

Обследование одной из деревень гаро в Ассаме [22] тоже показало тягу жителей к оседлой агрикультуре, но в ином, «вынужденном» варианте — ввиду сокращения доходов от занятий подсечно-огневым земледелием. При достатке земли население явно предпочло бы, как явствует из материалов обследования, придерживаться прежних методов, но к концу 60-х годов бамбуковые леса, идеальные под подсеки, дегенерировали в окрестностях селения в высокотравные заросли.

И наконец, о деревне горных микиров в Ассаме было сказано [25, 9], что весь образ сельской жизни, как и прежде, полностью определяется огневой системой и никаких изменений в практике применения последней не происходит. При этом «жители деревни считают немыслимым переход к оседлому земледелию по собственной инициативе». Но в данном районе еще сохраняется сравнительно низкая плотность населения — в среднем 19 человек на 1 кв. км, и потому участок возделывается лишь один год, тогда как в других горных частях Ассамы обычным стало непрерывное использование подсеки в течение 2—3 лет.

При подобных различиях, наблюдаемых в отношении подсечно-огневого хозяйства, и возможности внедрения новых систем земледелия требуется тщательный учет местных условий.

Но одна проблема при всех программах переустройства остается главной — земельная, независимо от того, происходит ли расселение подвижных групп адиваси на новых территориях или же пашенная агрикультура вводится в прежнем ареале обитания.

Первый путь означает, как правило, создание сети специальных поселений («колоний») — нередко в сочетании с элементами инфраструктуры в масштабе всего ареала освоения, в которых семья получает пахотный надел и обычно тягловый скот, сельскохозяйственные орудия, а также ссуду на обзаведение. Например, Управление по развитию района плато Дандакаранья по соглашению с правительствами штатов Мадхья-Прадеш и Орисса передает 25% мелиорированных им земель для расселения адиваси. К 1969 г. таким путем в распоряжение 2,5 тыс. семей аборигенов, размещенных в 61 деревне, были предоставлены 7 тыс. га земель, подготовленных для плуга [30, 31—32]. Большое число колоний (около 50) было основано на осушенных землях в Трипуре, где к середине 60-х годов расселено 5,7 тыс. семей на площади 9 тыс. га. Выборочные обследования показали, что до 50% переселенцев переключились на пашенное земледелие, около 40% сочетают его с огневой агрикультурой и 10% заняты преимущественно джжумом или на полевых работах по найму. Многие переселенцы сохраняют свое жилье в зоне подсечного хозяйства, и дуализм в земледельческом производстве дополняется у них бифуркацией местопребывания. Постепенно, однако, пашенное земледелие все более выходит на первый план. По данным для одной из подобных колоний, в 1961 г. оно обеспечило поступление 42,9% дохода, в 1967 г. — 57,6%, тогда как для подсечно-огневого земледелия соответствующие цифры равнялись 34,8 и 4,1% [14, 76; 24, 220; см. также 13].

В целом опыт по организации колоний оказался более или менее успешным, хотя и выявились некоторые недочеты. Среди них — строительство домов, не отвечающих традиционным запросам племенного населения, расселение вместе представителей разных племен, несходных по обычаям и культурным навыкам, и в особенности выделение под обработку земель недостаточно высокого качества. Последнее, бесспорно, отражает общие трудности с фондом пахотнопригодных земель в странах Южной Азии.

Поэтому основным направлением, видимо, останется трансформация подсечно-огневого хозяйства, так сказать, на месте. Уже отмечалось, что эта задача трудна прежде всего в разрезе правильного экологического использования имеющихся естественных ресурсов. Непродуманная замена огневого земледелия пашенным без проведения соответствующих природоохранных мероприятий имеет пагубные последствия, например, в районах северного побережья Явы и на востоке Суматры [20, 269—

279]. Тем более опасность велика во влажных горных областях Индии, где преимущественно и сохраняется подсечно-огневая система.

Среди путей, приемов, методов, которые призваны содействовать ее вытеснению или коренному улучшению, одно из первых мест занимает террасирование склонов. По официальной индийской оценке, оно позволяет увеличить «емкость» территории более чем в 3 раза — примерно с 12 до 40 человек на 1 кв. км [26, 169]. Но работы по созданию террас очень трудоемки, обходятся дорого, а урожаи в первые годы невысоки. Кроме того, при обильных осадках (1500 мм и более в год) даже террасирование склонов не спасает от развития эрозии. И наконец, планировка рельефа не входит в культурные традиции народностей, применяющих подсечно-огневую систему [19; 28].

Другой путь, известный под названием система «таунгья», состоит в сочетании земледелия с культурным лесоводством и направлен на быстрое восстановление лесной флоры. При системе таунгья на подсеки высаживаются ряды коммерчески ценных древесных пород, а в междурядьях возделываются сельскохозяйственные растения. Когда насаждения подрастут, земледелец получает право перейти на соседний участок. Подобная лесопольная система приобретает популярность в Манипуре и некоторых горных районах Ассама. Однако она предполагает длительный ротационный цикл.

Третий путь состоит в создании плантаций многолетних культур — кофе, каучука, черного перца, ореха кэшью. Эта идея выглядит привлекательной, тем более что подсечно-огневое земледелие не чуждается многолетних растений. Понятно, однако, что при мигрирующей форме хозяйствования насаждения, рассчитанные на длительный срок эксплуатации, не могут стать массовыми. Недавние официальные попытки имели скромный успех, в частности потому, что урожаю приходится ждать 3—5 лет, а главное — появление культур плантационного типа не «отменяет» необходимости в возделывании потребительских культур, разве лишь при полном переходе к товарной экономике. Но, разумеется, рассчитывать на это на современном этапе было бы и преждевременным, и неправильным.

Но сказанное не означает, что система подсечно-огневого земледелия активно противодействует внедрению любых товарных культур. В последние годы отмечается его явная товаризация. Объективно это ведет к разложению данного историко-географического типа хозяйства: на место кооперации приходит работа по найму, с появлением категории прибыли осознается ценность земли и усиливаются частновладельческие тенденции, увеличивается разрыв в доходах и социальное расслоение. Пока этот процесс еще не зашел далеко, но он наблюдается во многих, даже отдаленных районах. В Ассаме на продажу

возделывается хлопчатник, в Манипуре и Трипуре — красный перец и овощи, в Ориссе — имбирь, причем ощущается стремление расширять в первую очередь посевы более доходных культур.

Таким образом, эволюция подсечно-огневого земледелия может происходить и происходит различными путями. В целом тенденция направлена на дальнейшее сокращение сферы его территориального распространения, прежде всего за счет менее важных районов, и постепенную трансформацию в оседлое крестьянское хозяйство. Для успеха этого процесса желательны, чтобы государство не оставалось в стороне и активно и целенаправленно воздействовало на этот процесс, оказывая посильную помощь тем группам населения, которые еще придерживаются огневой агрикультуры, и облегчая им трудности переходного периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блохин Л. Ф. Берег Слоновой Кости. Экономико-географическая характеристика. М. 1967.
2. Пуляркин В. А. Подсечно-огневое земледелие.— *Известия АН СССР. Серия географическая*. 1972, № 5.
3. Супрунович Б. П. Проблема малых народностей и племен (адиваси) в Индии.— *«Страны и народы Востока»*, вып. V. М., 1967.
4. Sagneiro R. L. Slash-and-burn Agriculture: a Closer Look at Its Implications for Settlement Patterns.— *Men and Cultures*. Philadelphia, 1960.
5. Chaturvedi M. D., Uppal B. N. A Study of Shifting Cultivation in Assam. Delhi, 1960.
6. Das J. Ch. Some Notes on the Economic and Agricultural Life of a Little Known Tribe in the Eastern Frontier of India.— *«Anthropos»*. Wien, 1937, Bd 32, H. 3—4.
7. Denevan W. M. Campa Subsistence in the Gran Pajonal, Eastern Peru.— *«Geographical Review»*. New York, 1971, vol. 61, № 4.
8. FAO Staff. Shifting Cultivation.— *«Unasylva»*. 1957, vol. II, № 1.
9. Fuchs S. The Gond and Bhumia of Eastern Mandla. Bombay, 1960.
10. Furer-Haimendorf Ch. The Aboriginal Tribes of Hyderabad, vol. I. Chenchus, Jungle Folk of Deccan. London, 1943.
11. Furer-Haimendorf Ch. and E. The Aboriginal Tribes of Hyderabad, vol. II. The Reddis of the Bison Hills: a Study in Acculturation. London, 1945.
12. Furer-Haimendorf Ch. Nagaland Faces the Modern World.— *«Geographical Magazin»*. London, 1971, vol. 44, № 3.
13. Ganguly J. B. Economic Problems of the Jhumias of Tripura. Calcutta, 1969.
14. Khaund H. P. Changes in Income Distribution Pattern and Their Significance in a Society in Transition.— *«Indian Journal of Agricultural Economics»*. Bombay, 1970, vol. 25, № 3.
15. Leach E. R. Some Aspects of Dry Rice Cultivation in North Borneo and British Borneo.— *«Advancement of Science»*. London, 1949, vol. 6, № 21.
16. Löffler L. G. Bodenbedarf und Ertragsfaktor in Brandrodungsbau.— *«Tribus»*. Stuttgart, 1960, № 9.
17. Mамoria C. B. Tribal Demography in India. Allahabad, 1957.
18. Nag D. S. Tribal Economy (An Economic Study of the Baiga). Delhi, 1958.

19. Patel M. I. Agro-Economic Survey of Tribal Mandla. Delhi, 1969.
20. Pelzer K. J. Man's Role in the Changing of the Landscape of South-East Asia.—«Journal of Asian Studies». Ann Arbor, 1968, vol. 27, № 2.
21. Rao Pagmi. Among the Gonds of Adilabad. Bombay, 1952.
22. Rural Life in Assam Hills (Case Studies of Four Villages). Jorhat, 1969.
23. Saha N. Carrying Capacity of Shifting Cultivation (A Study of Assam Hills).—«Indian Journal of Agricultural Economics». 1970, vol. 25, № 3.
24. Saha N., Buragohain D. K. Colonisation Scheme of Shifting Cultivation in Tripura (An Assessment).—«Indian Journal of Agricultural Economics». 1970, vol. 25, № 3.
25. Saikia P. D. Changes in Mikir Society. Jorhat, 1968.
26. Singh I. P. Development of Agriculture in Tribal Area.—«Indian Journal of Agricultural Economics». 1970, vol. 25, № 3.
27. Spencer J. E. Shifting Cultivation in Southeastern Asia. Berkeley, 1966.
28. Spencer J. E., Hale G. A. The Origin, Nature and Distribution of Agricultural Terracing.—«Pacific Viewpoint». Wellington, 1961, vol. 2, № 1.
29. Techno-Economic Survey of Orissa. Delhi, 1962.
30. Tribal Welfare in Dandakaranya.—«AICC Economic Review». Delhi, 1969, vol. 20, № 21.
31. Usha Dar. Shifting Cultivation in the Hill Tracts of India.—«Indian Journal of Agricultural Economics». 1970, vol. 25, № 3.